

Яковлев Андрей Александрович

ЭРРАТОЛОГИЯ И ПЕРЕВОД

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/4/75.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 4 (35). С. 211-212. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 81'25

Андрей Александрович Яковлев
Челябинский государственный университет

ЭРРАТОЛОГИЯ И ПЕРЕВОД[©]

В теории перевода и в методике его преподавания уже давно и многими авторами рассматривается вопрос о том, как избежать ошибок при переводе. То есть велись поиски ответа на вопрос: что делать, чтобы переводить хорошо? Но в последнее время исследователи всё чаще стали обращать внимание на «оборотную сторону» этого вопроса, а именно - как на основе анализа ошибочного перевода можно избежать этих самых ошибок. И постановка вопроса приобрела на много иной вид: что делать, чтобы не переводить плохо? И что является причиной «плохого» перевода?

Глубина рассмотрения этого вопроса у разных исследователей различна.

Так, А. Б. Шевнин, например, выделяет эрратологию (своего рода теорию ошибок) как отдельное направление в переводоведении [6]. Но он говорит также об эрратологии и относительно овладения иностранным языком и обучения ему. Ниже мы надеемся показать, что такое смешение, а равно и выделение какой-либо переводоведческой «теории ошибок» на основе лексико-грамматических несоответствий текста оригинала (ИТ) и текста перевода (ПТ) неправомерно.

Вообще говоря, сам термин «эрратология» был критикован в работе М. Дебрэнн, которая для обозначения отхождений от нормы языка вводит термин «девиат» и, соответственно, «девиатология». «...Объектом девиатологии можно считать условия возникновения девиатов и сами девиаты в речи тех, кто изучает Я2 [иностраннй язык]...» [2, с. 100]. Но свою девиатологию М. Дебрэнн относит только к обучению иностранному языку, что, по нашему мнению, оправдано и даже эффективно.

Но применение подобного подхода к переводу лишь на основе отсутствия или наличия в ИТ и ПТ каких-либо компонентов вряд ли можно назвать правомерным. Хотя бы потому, что сами лексические компоненты предметом перевода не являются [1]. А значит, и наличие или отсутствие каких-либо слов или словосочетаний исходного текста в тексте перевода нерелевантно. Ведь перевод не осуществляется пословно.

Да и к тому же каждое слово или словосочетание обретает значение только в каком-либо контексте. «Передача значений одного языка средствами другого языка возможна в силу того факта, что каждое значение разложимо на составные компоненты и что компоненты значений могут быть воссоединены в целостные значения» [3, с. 117]. Но важность того или иного компонента значения определяется именно контекстом. «Если под лексическими значениями понимать не произвольно конструируемые «общие значения», а реальные значения, устанавливаемые с учётом полисемии, омонимии и синонимии, то между лексическими значениями разных языков нет изоморфизма» [Там же, с. 116].

К тому же, если перевод относить не к явлению языка, а к явлению речи (с чем спорить не приходится), то очевидна связь порождения речевого высказывания с мышлением и (что более в рамках данной статьи более важно) и общей ситуацией [Там же, с. 120-127].

Как видно, отсутствие или наличие в ПТ эквивалентов лексических единиц ИТ зависит не от наличия таковых в ИТ (или в системе лексических единиц ПЯ), а от факторов, влияющих на порождение речевого высказывания на ПЯ.

На сопоставлении лексического состава ИТ и ПТ А. Б. Шевнин не останавливается. Анализу подвергается и порядок слов, где также превалирует метод, более подходящий для сопоставительной грамматики. То есть в тексте перевода отыскиваются «неправильные» участки, и им приводится обоснование и/или объяснение (впрочем, не везде удовлетворительные). Но такой анализ ПТ «по кусочкам», на наш взгляд, также не вполне удачен. Хотя бы потому, что текст *не состоит* из предложений, а *реализуется* в предложениях. А перевод в подавляющем большинстве случаев осуществляется именно на уровне цельных и связных текстов.

«В ходе межязыковой деятельности имеет место структурная интерференция, заключающаяся в несовпадении структурной организации русского и английского высказываний» [5, с. 208]. Но такое несовпадение также нерелевантно. Оно может быть релевантным при переводе отдельного предложения (а не высказывания!), а цельный текст «имеет очень большое число «степеней свободы» и восстанавливается очень различно...» [4, с. 253]. В процессе перевода переводчик сначала «сжимает» цельный текст, а затем восстанавливает его, но уже средствами переводного языка.

А. Б. Шевнин вслед за Т. А. Фесенко справедливо отмечает, что «переводу подвергаются не вербальные знаки, а стоящие за ними концепты» [5, с. 204]. Но далее он указывает на абсолютно противоположное: «...Порядок слов в переводном тексте может определяться сугубо синтаксическим (а не коммуникативным) аспектом...» [Там же, с. 206]. Но сама эта «формальная синтаксическая структура... является производной от семантической структуры предложения, своего рода синтаксической интерпретацией...» [3, с. 104-105]. К тому же «совпадение синтаксических структур предложений ИТ и ПТ при переводе объективно носит не закономерный, а случайный характер, а само совпадение нерелевантно, так как перевод письменного прозаического текста осуществляется не на уровне предложения, а на уровне сверхфразового единства...» [1, с. 94]. Порядок слов в высказываниях пере-

водного текста определяется законами порождения высказываний на языке перевода и не имеет никакого соотношения с нормами языка оригинала. Он может и должен в определённой мере определяться сугубо синтаксическим аспектом, но аспект этот не должен выходить за рамки ПТ и норм ПЯ. «Предложение на ИЯ не может и не должно являться объектом перестройки, рассматриваемой как замена той или иной структуры...» [Там же, с. 95].

Таким образом, так или иначе, переводу должна подвергаться (и при правильном теоретическом и практическом подходе подвергается) именно семантическая наполненность текста, а не формальные структурно-синтаксические компоненты.

Также немаловажен тот факт, что в работах А. Б. Шевнина (да и в подавляющем большинстве работ по теории перевода) примеры даются в отрыве от контекста. Что, как мы считаем, в корне неправильно. «Без учёта соотношений в контексте многие предложения окажутся вообще непонятными» [3, с. 120]. Очень важно разграничивать предложение и высказывание: первое - единица языковая, второе относится к речи [4, с. 227-228]. Как было указано выше, чаще всего перевод выполняется на уровне цельных текстов, а единицей текста является не высказывание, а сверхфразовое единство. Последнее чаще всего состоит из нескольких высказываний, а это ещё один довод в пользу неперменного учёта контекста.

Текст не является просто набором высказываний, в противном случае из тех же высказываний, поставленных в ином порядке, можно получить другой текст. Текст реализуется не просто в высказываниях, но также в системе сложных взаимоотношений между ними. При переводе необходимо учитывать контекст (как узкий, так и широкий) не просто как стоящие рядом высказывания, но как систему взаимоотношений этих высказываний.

Для понимания этих отношений внутри текста следует учитывать актуальное членение предложений. Несоответствие актуального членения высказываний в ИТ актуальному членению высказываний в ПТ разбирается на конкретных примерах. Но эти примеры даются опять-таки без какого-либо контекста.

«...Менее информационно значимый член предложения должен предшествовать более информационно значимому члену предложения в переводных русских предложениях» [6, с. 204]. С этим спорить трудно, но определение этой информационно значимости компонентов предложения может осуществляться при учёте соседних предложений, то есть на уровне сверхфразовых единств.

Кроме прочих автор приводит следующий пример (в виде предложения, а не высказывания) «правильного» перевода. «Когда запасы воды иссякли, пострадавшие отправились в путь, бросив вышедшую из строя машину» [Там же, с. 205]. Этот пример, на наш взгляд, является одним из самых показательных, потому на нем следует остановиться подробнее.

Автор указывает на то, что копирование синтаксической структуры оригинала (где придаточное времени стоит после главного предложения) приводит к неверной передаче смысла, так как неверно распределяет в высказывании новую и вспомогательную информацию. Автор также напоминает, что неинвертированным актуальным членением в русском языке является препозиция темы относительно ремы.

Проблема заключается в том, что приведённый пример может быть охарактеризован как предложение, а не как высказывание. А актуальное членение характерно как раз для последних, которое может быть определено только на основе контекста, пусть и самого узкого.

Другими словами, для того чтобы правильно перевести данное высказывание с верным расположением его коммуникативных компонентов, необходимо чётко понять, на какой вопрос оно отвечает: «что произошло, когда запасы воды иссякли?» или же «когда пострадавшие отправились в путь?». Ответ на такой вопрос как раз и содержится (в явной или скрытой форме) в контексте. В отсутствие же токового оба варианта перевода одинаково равноценны: и с препозицией придаточного предложения, и с его постпозицией относительно главного.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что ни лексические, ни синтаксические элементы ПТ не должны рассматриваться как соответствия единицам ИТ. Тем менее правомерны попытки анализа процесса (!) перевода на сопоставлении таких единиц. Ведь, во-первых, эти последние не являются непосредственным объектом перевода, и ими не может быть поверено качество и тем более сама внутренняя структура процесса перевода. А во-вторых, перевод - это многоуровневый когнитивный процесс, связанный напрямую с мышлением и речепорождением, который не сводится системе фильтров, задерживающих и преобразующих речевой стимул (на входе) и речевую реакцию (на выходе).

Список литературы

1. **Витренко А. Г.** Надо ли учить переводческим трансформациям? // Вестник МГЛУ. 2004. Вып. 488: Перевод и стилистические ресурсы языка / отв. ред. Д. В. Псурцев. С. 90-106.
2. **Дебрени М.** Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: диссертация на соискание учёной степени доктора фил. наук. Новосибирск: НГУ, 2006.
3. **Кацнельсон С. Д.** Типология языка и речевое мышление. М.: УРСС, 2002.
4. **Леонтьев А. А.** Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды. Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003.
5. **Шевнин А. Б.** Эрратология и межъязыковая коммуникация // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 2. С. 36-44.
6. **Шевнин А. Б.** Эрратология. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003.